

Самсонов Василий Алексеевич

Родные писатели

**Биографические с вопросами к
литературным произведениям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В19

В19 **Василий Алексеевич С.**
Родные писатели: Биографический с вопросами к литературным произведениям / Самсонов Василий Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 129 с.

ISBN 978-5-519-84642-4

ISBN 978-5-519-84642-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

**Михаилъ Васильевичъ
Ломоносовъ.**

1711—1765.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ деревнѣ Денисовкѣ Архангельской губерніи. Эта деревня находится въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Холмогоръ, на одномъ изъ рукавовъ Сѣверной Двины, которая въ пижнемъ своемъ теченіи образуетъ нѣсколько острововъ. Одинъ изъ нихъ называется Куростровъ. На немъ почти рядомъ расположены небольшія деревеньки, и между ними — Болото или, иначе, Денисовка.

Населеніе Курострова издавна занималось рыбными промыслами, такъ какъ рыба—главное богатство Сѣверной Двины. Занимался рыбнымъ промысломъ и отецъ Ломоносова, Василій Дорофѣевичъ. По происхожденію онъ былъ чернососный крестьянинъ, а по роду занятій и зажиточности скорѣе промысловый купецъ.

У Васи́лія Дорофѣвича были свои рыболовные снасти. Онъ промышлялъ рыбой не только въ устьяхъ Двины, но и на Бѣломъ морѣ, и въ Ледовитомъ океанѣ. Въ Денисовкѣ Васи́лій Дорофѣвичъ имѣлъ домъ и землю. Сюда возвращался онъ съ промысловыхъ поѣздокъ. Здѣсь жила его семья.

Васи́лій Дорофѣвичъ женатъ былъ на дочери мѣстнаго дьякона. Отъ этого брака и родился великій Ломоносовъ, самая крупная личность, послѣ Петра, въ русской жизни XVIII вѣка.

Ломоносовъ рано лишился матери. Отецъ его женился во второй разъ, но мачеха не влюбила мальчика. И маленькому Мишѣ приходилось переносить въ дѣтствѣ много лишеній, особенно когда отецъ отправлялся на промыселъ.

Частью по этой причинѣ, частью по недостатку рабочихъ рукъ, Васи́лій Дорофѣвичъ началъ брать сына съ собою, едва ему минуло десять лѣтъ, тѣмъ болѣе что мальчикъ былъ здоровый и рослый.

Поѣздки въ устье большой рѣки, на заморье и въ океанъ нравились Ломоносову. Здѣсь была кипучая жизнь, полная приключеній, среди труда, который въ эти годы почти всегда обращается къ человѣку только привлекательной стороной.

Отъ Курострова до заморья свыше ста верстъ. По всему этому пространству разстилается широкая равнина, которая лѣтомъ покрыта зеленымъ ковромъ, зимою окутана бѣлой скатертью снѣга, а въ весеннее половодье какъ бы становится океаномъ, по которому лишь кое гдѣ разбросаны жилые холмы.

Среди такого раздолья выростала могучая натура Ломоносова, которая еще въ дѣтскіе годы Михаила Васи́льевича поражала кипучей энергіей.

Но мальчикъ любовался не только раздольемъ. Въ зимнія ночи вниманіе его приковывалъ небесный сводъ, разгоравшійся радужными огнями. Они то замираютъ,

то вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ, то разливаются по небу широкими волнами. Одна полоса свѣта смѣняетъ другую, охватываетъ весь міръ. И радуга стоитъ высоко въ небѣ, искрясь переливами свѣта.

Въ такія минуты арѣетъ чувство красоты, сильнѣе работаетъ умъ и пытливая мысль задаетъ вопросы.

Двѣнадцать лѣтъ Ломоносовъ началъ учиться грамотѣ. Первымъ учителемъ его былъ мѣстный крестьянинъ Иванъ Шубной. Онъ заставлялъ мальчика заучивать буквы, за ними слоги, и такъ какъ талантливый ученикъ быстро усвоилъ всю эту премудрость, то перешли къ чтенію церковныхъ книгъ. Черезъ два года Ломоносовъ уже прекрасно читалъ на клиросѣ, съ выраженіемъ и гибкостью въ голосѣ.

У мальчика развилась любовь къ чтенію. Онъ зачитывался житіями святыхъ и по живости натуры стремился съ другими подѣлиться своими знаніями. Часто сиживалъ Ломоносовъ въ кругу деревенскихъ стариковъ и бесѣдовалъ съ ними о святыхъ угодникахъ. Вскорѣ онъ даже ушелъ въ расколъ къ безпоповцамъ, которые особенно непримиримо относились къ реформамъ Никона; но расколъ не далъ удовлетворенія Ломоносову: его могла удовлетворить только наука.

Случайно у одного крестьянина увидѣлъ Ломоносовъ свѣтскія книги. Это были грамматика Смотрицкаго и ариметика Магницкаго. Юноша началъ просить крестьянина дать ему эти книги, хотя на нѣсколько дней, но тотъ не соглашался. Неудача крайне опечалила Ломоносова, и нѣсколько дней онъ придумывалъ разные способы получить заинтересовавшія его книги. Наконецъ счастье улыбнулось, и книги были въ его рукахъ. Ломоносовъ набросился на нихъ съ жадностью: онъ читалъ страницу за страницей, выучивалъ наизусть и скорѣе все зналъ на память. Книги свои Михаилъ Васильевичъ всегда носилъ съ собою и хранилъ на груди, какъ драгоценное сокровище.

Свѣтскія науки приподняли передъ Ломоносовымъ завѣсу науки, а что болѣе что попавшія къ нему въ руки грамматика, ариѳметика принадлежали къ числу замѣчательныхъ произведеній своего времени, а въ ариѳметикѣ даже были изложены свѣдѣнія, необходимыя для гражданина, воина, купца, землемѣра и мореплавателя.

Умъ Ломоносова съ жадностью пожиралъ научныя свѣдѣнія, пытливая мысль летѣла далеко за предѣлы книжекъ Смотрицкаго и Магницкаго, стремясь къ безпредѣльности знанія и находя въ ней высшій интересъ.

Отъ мѣстнаго священника Ломоносовъ узналъ, что для приобрѣтенія научныхъ знаній нужно знать латинскій языкъ и что научиться ему можно только въ Москвѣ, въ Петербургѣ или въ Кіевѣ.

Не долго думая, Ломоносовъ рѣшился идти въ Москву учиться латыни. Отецъ конечно не отпустилъ бы Михаила Васильевича, такъ какъ хотѣлъ передать ему хозяйство, промыселъ и уже подыскивалъ невѣсту, чтобы окончательно поставить сына на ноги. И Ломоносову нѣчего больше не оставалось, какъ бѣжать тайкомъ.

Въ морозную ночь вышелъ онъ изъ отцовскаго дома. Въ котомкѣ его вмѣстѣ съ краюхой хлѣба и неразлучными книгами лежалъ паспортъ, который молодому человѣку удалось выхлопотать тайно отъ отца. Одѣтъ онъ былъ въ овчинный полушубокъ, которымъ снабдилъ его отъѣздившій сосѣдъ, давши при этомъ взаймы и три рубля денегъ.

Ломоносовъ шелъ по дорогѣ въ Москву. Верстахъ въ ста отъ Денисовки онъ остановился въ монастырѣ Антонія Сійскаго и исправлялъ здѣсь нѣкоторое время должность псаломщика.

Въ Москвѣ Ломоносовъ присталъ на Сухаревой башнѣ и началъ тамъ обучаться ариѳметикѣ. Вскорѣ

явился онъ однако къ архіерею и просилъ принять его въ духовное училище при Заиконоспасскомъ монастырѣ.

Просьбу Ломоносова уважили и юношу посадили въ первый классъ вмѣстѣ съ малыми ребятами. Трудно было Михаилу Васильевичу, особенно первое время. Малыши смѣялись надъ нимъ, говоря: „смотрите, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться“. Жить приходилось впроголодь, такъ какъ на всѣ расходы выдавался въ день только одинъ алтынъ. Ломоносовъ покупалъ на денежку хлѣба, на денежку квасу, а остальное тратилъ на бумагу, обувь и другія нужды. И только непреодолимая жажда знанія помогала ему бодро переносить эти лишенія.

А между тѣмъ отецъ узналъ о мѣстопробываніи сына. Онъ писалъ ему ласковыя письма и звалъ домой, говоря, что по его достатку тамъ за него любая дѣвушка замужъ пойдетъ.

Но Михаилъ Васильевичъ лишь сильнѣе налегалъ на науку. Въ теченіе одного года онъ прошелъ курсъ двухъ классовъ, а черезъ два года уже хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ и началъ учиться по гречески.

Свободное время Ломоносовъ проводилъ въ школьной библіотекѣ и читалъ лѣтописи. Это помогло ему ознакомиться съ древне-русскимъ языкомъ. Въ библіотекѣ же Михаилъ Васильевичъ нашелъ небольшое число книгъ по философіи, физикѣ и математикѣ. Съ удвоеннымъ интересомъ прочитывалъ онъ эти книги, но онъ только возбуждали въ немъ научные интересы, а не удовлетворяли вполне.

Ломоносовъ слышалъ, что научная работа успѣшно шла въ Кіевской славяно-греко-латинской академіи и сталъ просить архимандрита отпустить его на годъ въ это учебное заведеніе. Просьбу Ломоносова уважили. Но Кіевская академія не удовлетворила Михаила Ва-

сильевича. Въ это время тамъ процвѣтала схоластика, а не точная наука, и профессора учили студентовъ лишь умѣнью спорить. Поэтому не прошло и года, какъ Ломоносовъ вернулся въ Москву.

Здѣсь счастье вновь улыбнулось Михаилу Васильевичу. Какъ разъ въ это время, при учрежденной незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ Академіи Наукъ, устраивали гимназію. И президентъ Академіи обратился въ Законоспасское училище съ просьбой выбрать изъ числа учениковъ наиболѣе способныхъ и прислать ихъ въ Академію для занятій въ гимназіи. Предполагалось, что эти юноши затѣмъ будутъ слушать лекціи и въ Академіи, а наиболѣе способные сдѣлаются даже профессорами.

Ломоносовъ конечно попалъ въ число избранныхъ. Съ замираньемъ сердца ѣхалъ онъ въ молодую столицу, надѣясь найти тамъ разрѣшеніе научныхъ вопросовъ, которые уже стояли передъ нимъ во всей силѣ. И передъ Михаиломъ Васильевичемъ, дѣйствительно, открылась широкая дорога. Мечты его осуществились въ гораздо большей степени, и черезъ полгода онъ получилъ уже возможность слушать лекціи за границей у самыхъ выдающихся профессоровъ. Вотъ какъ это случилось.

Для Академіи нуженъ былъ ученый химикъ и астрономъ, такъ какъ предполагалось съ его участіемъ снарядить научную экспедицію въ Сибирь. Профессоръ Генкель, къ которому обратилась Академія съ просьбой рекомендовать такое лицо, не могъ выполнить эту просьбу за неимѣніемъ подходящаго кандидата и предложилъ Академіи прислать къ нему въ Фрейбергъ нѣсколько молодыхъ людей, достаточно подготовленныхъ къ слушанію лекцій, надѣясь, что Академія потомъ можетъ использовать ихъ научную подготовку.

Академія охотно согласилась. Сенатъ отпустилъ средства, по 400 рублей въ годъ каждому стипендіату,

и три гимназиста поѣхали за границу, но не къ Генкелю, съ которымъ Академія не сошлась въ цѣнѣ, а къ Вольфу въ Марбургъ. Одинъ изъ этихъ гимназистовъ былъ Ломоносовъ.

Молодые люди слушали лекціи въ Марбургскомъ университетѣ по философіи, логикѣ, математикѣ, физикѣ и химіи. Занятія ихъ продолжались около пяти лѣтъ. Къ концу этого времени они переѣхали въ Фрейбергъ учиться приложенію химіи къ горному дѣлу.

Заграничная жизнь оказалась для русскихъ студентовъ очень тяжелой. Едва только выйдя изъ подъ опеки Законоспасской школы, они очутились на полной свободѣ и не могли разумно ею воспользоваться. Деньги они быстро истратили и принуждены были жить въ долгъ.

Положеніе Ломоносова ухудшилось еще тѣмъ, что въ Марбургѣ онъ женился и вскорѣ имѣлъ уже двухъ дѣтей. Возвращеніе на родину было для него желанной мечтой, но Академія, и сама постоянно нуждавшаяся въ средствахъ, прислала на проѣздъ только сто рублей. Поэтому семью свою Ломоносовъ принужденъ былъ оставить на цѣлые два года въ Марбургѣ.

Негостепріимно встрѣтила Ломоносова родина. Только черезъ полгода удалось ему получить въ Академіи должность адъюнкта химіи. А между тѣмъ Михаилъ Васильевичъ былъ извѣстенъ уже въ придворномъ обществѣ.

Въ Марбургѣ онъ написалъ оду на взятіе русскими войсками Хотина и прислалъ ее въ Академію. Ода была представлена императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и произвела на всѣхъ лучшее впечатлѣніе звучностью стиха. Дѣйствительно, такъ до Ломоносова не писали. Онъ первый примѣнилъ къ нашей рѣчи законы тоническаго стихосложенія, основаннаго на правильномъ чередованіи высокихъ слоговъ съ низкими. Ода была написана по образцу сочиненій, получившихъ въ это время въ

Западной Европѣ широкое распространеніе. Это были хвалебныя пѣсни въ честь замѣчательныхъ людей и выдающихся событій.

Литературная извѣстность помогла Ломоносову въ борьбѣ съ нѣмецкими профессорами Академіи, которые неохотно допускали въ свою среду русскаго ученаго. Но должность профессора онъ все же получилъ не сразу.

Ломоносовъ съ жаромъ принялся за науку. По его плану была выстроена при Академіи химическая лабораторія, въ которой Михаилъ Васильевичъ сталъ производить научныя изслѣдованія. Работы его охватываютъ разнообразныя области знанія. Онъ производитъ наблюденія надъ явленіями электричества—и одновременно съ Франклиномъ дѣлаетъ цѣнныя для науки открытія. Занимается исторіей—и издаетъ работы, прерванныя лишь его смертью. Интересуется наукой о языкѣ — и составляетъ грамматику. Реформируетъ рѣчь образцами своей поэзіи, составляетъ правила тоническаго стихосложенія и устанавливаетъ три „штиля“ письма: высокій, средній и низкій, въ зависимости отъ важности темы, и этимъ кладетъ основаніе литературному языку.

Ломоносовъ, по словамъ Пушкина, соединялъ въ своемъ лицѣ всю Академію. При всей разносторонности своихъ знаній Михаилъ Васильевичъ обладалъ и еще однимъ цѣннымъ качествомъ. Онъ былъ не только кабинетный ученый, а и общественный дѣятель. Онъ заботился о болѣе правильномъ устройствѣ Академіи, предлагалъ увеличить количество гимназистовъ и студентовъ, такъ какъ понималъ, что Россія особенно нужны образованные люди; принималъ близкое участіе въ разработкѣ проекта объ основаніи перваго въ Россіи университета, открытаго въ Москвѣ въ 1755 году.

Передъ русской литературой заслуга Ломоносова тоже значительна. Онъ первый далъ намъ художе-

ственные образцы оды, подражая въ нихъ западно-европейскимъ писателямъ, и такимъ образомъ сблизилъ нашу литературу съ западноевропейскою. Правда, Ломоносовъ перенесъ къ намъ литературу ложно-классическую, но это былъ необходимый шагъ въ развитіи своей національной поэзіи. За ложно-классическимъ направленіемъ приходили къ намъ и другія, оставляя слѣды въ сочиненіяхъ разныхъ писателей, но именно на мировой литературѣ русскіе писатели научились понимать задачи своей національной поэзіи.

Лучшими одами Ломоносова считаются двѣ: „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“ и „На день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны“. Въ первой изъ нихъ поэтъ преклоняется передъ величіемъ Бога, а во второй восторженно привѣтствуетъ Елизавету Петровну, которая покровительствовала наукамъ, такъ необходимымъ странѣ.

Обѣ оды носятъ на себѣ слѣды ложно-классического вліянія, во первыхъ, со стороны выбора темы, во вторыхъ, со стороны содержанія и, въ третьихъ, со стороны стилистической. Сущность же ложнаго классицизма состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ эпоху возрожденія, въ XVI вѣкѣ, на западѣ пробудился интересъ къ жизни древнихъ грековъ, а въ XVII и частью въ XVIII вѣкахъ западноевропейскіе писатели, получившіе покровительство коронованныхъ особъ, начали подражать литературѣ древнихъ, отражая въ торжественныхъ одахъ лишь придворный кругъ жизни и вознося фиміамъ передъ сильными міра.

Дѣйствительно, поэзія древнихъ грековъ и римлянъ состояла въ восхваленіи боговъ и героевъ. Но и боги, и герои, по религіознымъ воззрѣніямъ древнихъ, обладали тѣми же чертами, какъ обыкновенные люди, отличаясь отъ нихъ лишь большимъ совершенствомъ. Примѣромъ можетъ служить Иліада Гомера. Слѣдова-

тельно, говоря о богахъ и герояхъ, древніе въ то же время описывали и обыкновенную жизнь.

Не то у насъ. Жизнь стала сложнѣе. Религія другая. А потому и торжественная ода въ честь героя или какого-либо выдающагося событія уже не отражаетъ жизни всего народа. Между тѣмъ литература одно время замкнулась только въ оду. Слѣдовательно, она утратила свое основное значеніе—отраженіе жизни, и потому сдѣлалась для нашего времени ложной. Подражательный же характеръ ея опредѣляется другою частью названія: ложно-классическая.

Особенностью ложно-классической оды, какъ уже сказано, является выборъ темы, содержаніе и стилистическіе приемы. Ода всегда посвящалась какому-либо выдающемуся лицу или событію и состояла въ его восхваленіи. Въ качествѣ необходимаго элемента являлись названія древнихъ боговъ, что было неестественно, такъ какъ прямого значенія они уже не имѣли, а какъ художественный образъ—обратились въ шаблонъ.

Ложно - классическое направленіе оставило свои слѣды и въ драматической поэзіи, требуя для комедіи и драмы такъ называемаго единства времени, мѣста и дѣйствія, что тоже имѣло свои разумныя причины въ литературѣ древнихъ, но не оправдывалось современнымъ театромъ. Въ обществѣ не сразу замѣтили особенности ложнаго классицизма, тѣмъ болѣе, что при Екатеринѣ II ода Державина отражала преклоненіе придворныхъ круговъ передъ блескомъ этого царствованія, т. е. захватила собою цѣлую полосу жизни и не была лишь личнымъ славословіемъ.

Но настало время, когда ложно-классическая поэзія сама собою исчезла. Ее смѣнила литература Жуковского и Пушкина. Однако въ свое время она была неизбежна. А потому Ломоносовъ оставилъ по себѣ крупный слѣдъ въ исторіи литературы.